УДК 81
ББК 1 10Л. В. Разумова
г. Чита, Россия**Соотношение понятий «региональный» / «миноритарный» язык**

Языковая норма как одна из разновидностей социальных норм развивается в рамках общества и характеризует поведение человека, регулируя его деятельность. Источником языковой нормы, как и любой другой социальной нормы, выступает традиция. Она обнаруживает сложные отношения с субстандартными, аномальными языковыми формами и, в частности, с региональными языками. Статья посвящена анализу соотношения понятий «языковая норма» – «региональный язык» – «миноритарный язык» на примере квебекского варианта французского языка.

Ключевые слова: языковой стандарт, региональный / миноритарный язык, внутренняя / внешняя миноризация языка, символические функции языка.

L. V. Razumova
Chita, Russia**Correlation of the notions "regional language" and "the language of minorities"**

The language standard as one of the varieties of social norms develops within the framework of society and characterizes man's behavior by regulating his activity. The source of the language standard as that of any other social norm is manifested by tradition, which has complex relationships with substandard, abnormal language forms, in particular with regional languages. The author of the article analyses correlation of the notions "language standard/ regional language/ language of minorities" by means of the example of Quebec French.

Keywords: standard, regional language, language of minorities, the in- and out- language minorization, symbolic language functions.

В известной работе Жюль Делёза «Philosophie et minorité», вышедшей в свет в 1978 г. [6], понятие «миноритарный» включает три уровня анализа: онтологический, эпистемологический, политический. В данной работе Ж. Делёз даёт следующее определение миноритарности, противопоставляя её мажоритарности:

«Minorité et majorité ne s'opposent pas d'une manière seulement quantitative. Majorité implique une constante idéale comme un mètre-étalon par rapport auquel elle s'évalue, se comptabilise».

«Миноритарный и мажоритарный противопоставляются не только в количественном плане. Мажоритарный предполагает некую идеальную константу, своеобразный эталон ценностного и количественного измерения»¹.

Замечание Ж. Делёза представляется очень важным ввиду указания на то, что оппозиция миноритарный/мажоритарный построена не столько на учёте количественного критерия, сколько на учёте, содержащемся изначально в значении «большинство» **вектора оценки** – от большинства к меньшинству.

Направление движения от эталонного, образцового большинства к меньшинству логиче-

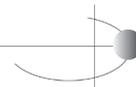
ски завершается Ж. Делёзом построением полной оценочной парадигмы: эталонное, образцовое, нормальное, нормативное большинство противопоставляется *анормальному, ущербному* меньшинству. Вместе с тем, Ж. Делёз отмечает, что понятие «анормальный» может мыслиться как по отношению и во взаимосвязи с определённой 1) *нормой, эталоном*, так и вне них как некое 2) *качество*, 3) *процесс*, обозначаемые Ж. Делёзом термином «minoration» (миноризация).

Ж. Делёз выделяет ещё одну вытекающую из отмеченного вектора оценки оппозицию: если большинство мыслится как *система*, то меньшинство, как бы количественно и структурно оно не было представлено, мыслится как *подсистема, не-система, вне-система*: «...[la minorité] est un sous-système ou un hors- système» [6, с. 154].

Наконец, понятие мажоритарности содержит значение *доминирования*, обладания полномочиями и правами. Соответственно миноритарность мыслится как *подчинённая, бесправная*.

В качестве необходимого условия для реализации оппозиции миноритарный / мажоритарный Ж. Делёз считает *билингвизм, или многоязычие* [7]. Для того чтобы уйти от бинарного противопоставления престижный / непрестижный язык, Ж. Делёз заимствует у А. Гобара следующую

¹ Здесь и далее цитаты даются в переводе автора статьи.

четырёхчленную структуру символических форм языка [9]: местный язык (*langue vernaculaire*), язык-посредник (*langue véhiculaire*), референциальный язык (*langue référentielle*) и мифологический язык (*langue mythique*). Так называемый «местный язык» используется, по мнению А. Гобара, не столько как средство общения, сколько как средство «приращения». Слово «причаститься» (*communier*) обозначает у А. Гобара особые качества этого языка: его родной, не конвенциональный для говорящего характер; этот язык усваивается ребёнком с детства в качестве первого языка, он прикреплен к определённому, чаще всего, небольшому географическому региону. **Языком-посредником** обычно выступает национальный язык или язык региона, который используется человеком как средство коммуникации в формализованных контактах. **Референциальный язык** – выразитель культурных традиций, передаваемых в устных и письменных текстах культуры и разделяемых говорящими. Этот язык призван обеспечивать непрерывность и преемственность культурных традиций обращением к ставшим традиционными текстам культуры. **Мифологический язык** используется как особое, *сакральное* средство коммуникации в жёстко регламентированных ситуациях речевого общения. Чаще всего он характеризуется особой системой языковых средств, отличающихся консервативностью.

Приведённые выше символические функции языка могут совмещаться в одном языке или быть распределены между разными языками или формами речи.

Замечания Ж. Делёза о миноритарности и функциях, которые язык может выполнять в обществе, отсылают к социокультурному и политическому аспекту функционирования языка в определенные исторические периоды.

Языковая ситуация в Квебеке в исторической перспективе выступает во французский период (1600–1763) как ситуация франко-квебекской диглоссии, на которую в период английской колонизации накладывается ситуация франко-английского двуязычия. В рамках диглоссной и двуязычной языковой ситуации квебекский вариант французского языка характеризуется двойной миноризацией, двойным социальным обесцениванием.

Оппозиция большинство / меньшинство в истории распространения и функционирования французского языка в Канаде обнаруживает две модели реализации.

1. **Английский язык / франко-канадский язык** – хронологически первая оппозиция, построенная англичанами с их приходом к власти в 1763 г. Отметим, что в это время речь идёт о политическом доминировании англичан при числен-

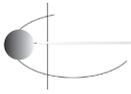
ном превосходстве французов. Более 80 % населения Квебека в этот период франкофоны.

Социополитическое доминирование англичан, признание английского языка в качестве официального, изъятие французского языка из ранее многочисленных официальных контекстов его употребления, преимущественное употребление в деловой сфере и средствах массовой информации английского способствуют позиционированию устной формы речи квебекцев как миноритарной формы речи. Она становится маркером французской идентичности в начавшемся процессе противостояния французской и английской культуры в квебекском обществе. Этот период ознаменован в среде франкофонов многочисленными кампаниями в защиту французского языка. Отметим, что словосочетания *la langue française*, *le français* (французский язык), используемые до этого для обозначения французского языка Квебека и подчёркивающие его неразрывную связь с французским языком Франции, всё чаще заменяются англичанами сочетаниями «*lousy French – плохой французский*», «*French-Canadian patois – франко-канадский говор*», а позже и «*bestly horrible French – отвратительный животный французский*». Они отрицательно коннотируются англофонами наряду с сочетанием *nationalité canadienne-française* (канадско-французская национальность) [3]. Нетрудно заметить, что за этими отзывами об языке французов стоят откровенно расистские настроения англичан.

2. В этот же период, помимо отмеченной выше оппозиции «английский / франко-канадский язык», английской правящей элитой конструируется и другая оппозиция – «**франко-канадский язык / французский язык Франции**». Как и в предыдущей оппозиции, миноритарным, а значит обесцененным выступает франко-канадский вариант французского языка.

Вопрос определения языковой основы канадского варианта французского языка отсылает к определению качеств, которыми обладал французский язык на территории Франции в XVI в. накануне колонизации Канады. Устанавливаемая единая литературная форма французского языка во Франции в XVI в. обнаруживает сильное влияние диалектов, прежде всего диалектов нормандской, центральной и пикардской зоны. Заимствования из региональных форм речи и диалектов рассматриваются в этот период как естественный источник становления единой формы французского языка. Французское общество проявляет доброжелательное отношение к диалектизмам, присутствующим в речи представителей различных социальных слоёв населения.

В конце XV в. в условиях создания централизованного государства-нации в качестве

ведущего выдвигается франсийский диалект, ассоциируемый с языком власти. Однако для того чтобы франсийский диалект стал действительно лидирующей языковой формой, языком французской нации, необходима была поддержка институтов власти. Одним из сильнейших соперников формирующегося французского языка в это время выступает латинский язык. Рядом с латинским языком франсийский диалект справедливо воспринимался в обществе как один из многочисленных народных языков (*langue vulgaire*). В 1539 г. предписание Виллер-Коттрэ (*Villers-Cotterets*) закрепляет официально ведущий статус французского языка как средство устной и письменной коммуникации на территории Франции. Вместе с тем, его становление как активного и успешного средства коммуникации потребовало кропотливой работы по его усовершенствованию многих писателей и грамматистов. Весь XVI в. в связи с этим проходит под знаком «защиты и прославления французского языка». Усовершенствование французского языка видится в этот период прежде всего как усовершенствование его лексической системы. Для обогащения словарного состава французского языка используются самые различные источники, важнейшими из которых выступают диалекты и разговорный язык. Н. А. Шигаревская отмечает, что понятие языковой нормы в XVI в. имеет особенный характер: всё, что способствует обогащению французского языка, лучшему выражению человеческой мысли, достойно считается нормативным [5, с. 163].

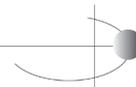
Таким образом, языковая ситуация на территории Франции накануне колонизации Северной Америки характеризуется интенсивными процессами языковой унификации. Начатая в начале XIV в., она продолжилась в конце XV – начале XVI вв. на основе диалекта Иль-де-Франс. Его становление в качестве ведущего средства национальной коммуникации сопровождается активными заимствованиями из различных диалектов и, прежде всего, на первом этапе – из центральных и северо-западных диалектов Франции. Проникновение французского языка в различные социальные группы, а также в сельскую местность позволяет утверждать, что языковой основой канадского французского языка стала довольно унифицированная форма французского языка. Этот узус, отмеченный присутствием большого количества диалектных, региональных и просторечных элементов, использовался в речи большинства населения и считался вполне уместным и нормальным, т. е. нормативным, хотя само понятие языковой нормы в этот период ещё полностью не оформилось в языковом сознании французов. Формирующийся единый узус французского языка, отмечен-

ный присутствием большого числа диалектизмов, переносится в Канаду первыми колонистами.

В XIX в. языковая ситуация в Квебеке характеризуется в рамках франкофонного языкового сообщества сосуществованием двух языковых систем, находящихся в дистрибутивном, комплиментарном отношении друг к другу – системы высокой книжной речи, связанной с религиозной консервативной письменной традицией, распространяемой католической системой франкофонного образования и служащей образцом литературной нормы, и «некнижной» узуальной, разговорной речью, отмеченной присутствием большого количества диалектизмов. Такая диглоссная ситуация характеризуется устойчивым функциональным балансом и большой стабильностью. Другой её чертой выступает существенная дистанция, обнаруживаемая в Квебеке между книжной формой речи, в роли которой выступает французский язык Франции, и унифицированным квебекским узусом, развивающимся самостоятельно. В сложной ситуации английского политического доминирования книжная форма речи ощущается квебекскими франкофонами как культовый, сакральный, благодатный, спасительный и престижный язык. Однако редкие контакты с Францией, необходимость самостоятельного выживания в абсолютно новых условиях, новый жизненный опыт способствуют постепенному формированию у франко-квебекцев иного, амбивалентного самосознания, сочетающего горячее желание сохранения родной культуры, языка и укрепляющееся чувство своей инаковости. Этот новый социокультурный опыт выражается в языке в том, что квебекский узус всё больше дистанцируется от узуса Франции и начинает восприниматься не только англофонами, но и франкофонами как миноритарная форма речи.

Постепенная интериоризация франкоговорящими канадцами этого отрицательного отношения англичан, а впоследствии – и французов к их языку рождает в среде канадских франкофонов не только комплекс языковой неполноценности, но способствует выработке у них постоянной *реакции защиты родного языка*. В XIX и XX столетиях формы этой защиты языка отсылают к двум моделям.

Так, вплоть до начала XX в. реакция защиты родного языка приводит франко-канадцев к выработке *модели прославления* канадского варианта французского языка, главный тезис которой основан на *уникальности и истинности французского языка Квебека*. Эта уникальность виделась франко-канадцам в нетронутости временем письменной формы франко-канадского варианта французского языка, в умении его носителей бережно хранить язык первых французских памятников. Чаще всего тексты, повествующие об историче-

ских корнях канадского французского, носят не научный, а мифологизированно-поэтический характер. Истинность и аутентичность этого языка засвидетельствована, по мнению некоторых авторов такого рода трудов, архаичными элементами, содержащимися в канадском варианте французского, которые должны быть сохранены и в современном языке франко-канадцев.

Ещё один элемент модели прославления французского языка – это его *священный характер*, который он приобретает на территории Канады. Во франко-канадской дискурсивной традиции XIX в. французский язык не мыслится вне связи с религией, католической верой: язык предстаёт как носитель моральных ценностей христианской религии. Социальная значимость канадского французского заключается, по мнению большинства франко-канадцев, в том, что наряду с католической верой этот язык помог им выжить и противостоять английской ассимиляции.

В многочисленных исторических описаниях и предисловиях к лингвистическим трудам (например, в предисловии к труду Оскара Дюнна) франко-канадцы выступают не только как люди, обладающие исключительным мужеством и живучестью, но и как хранители великой *ценности* – французского языка. Оценка французского языка, приводимая О. Дюнном, хорошо отражает эту идею: «Французский язык – это бесценный бриллиант, настоящее произведение искусства, которому нет равных...» [9, с. 10–11].

Интересно отметить, что «прославление французского языка» в *небольшом тексте О. Дюнна* стилизуется автором в литературной традиции «жест»: «La langue française, c'est un diamant d'un prix inestimable... **Tout le monde l'admire, elle charme tout le monde, bien qu'elle ne livre ses secrets qu'à un petit nombre; il faut être amoureux d'elle, l'aimer beaucoup, lui faire longtemps la cour... Sa délicatesse exquise ravit l'intelligence; elle est tout amour et tout gaieté, pleine de noblesse et d'enthousiasme, accessible aux sciences comme à la fantaisie, à toutes les hautes pensées comme à tous les sentiments dignes...**» [9, с. 11]. Как свидетельствует приведённый отрывок, такая стилизация позволяет автору подчеркнуть *идею служения*. Язык ассоциируется Дюнном с идеей служения Прекрасной Даме. Она достойна любви и постоянного восхищения со стороны её подданных. Как и в средневековых «жест», последние мыслят себя её дистантными и чаще всего недостойными служителями.

Нельзя не заметить, что переплетение идей прославления и служения языку намечает опасную тенденцию умаления самими франко-канадцами своих языковых способностей, тенденцию, которая превратится в XX в. в прочно укоренившийся в сознании квебекцев языковой

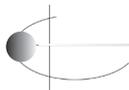
комплекс. Разработанная Ж. Делёзом [7] теория маргинализации языка, различающая внешний и внутренний аспекты, предстаёт удобным инструментом для анализа сложного характера маргинализации, которому подвергается французский язык в Канаде в XVIII–XX вв. Так, обусловленное политическими факторами социальное доминирование англичан приводит к постепенному исключению французского языка из официальных контекстов его употребления. Этот тип маргинализации языка в условиях доминантного положения одного языка над другим образует внешний контекст маргинализации и может быть обозначен как «внешняя маргинализация языка». Вместе с тем, интериоризация негативного отношения англичан к французскому языку франко-канадцами постепенно порождает внутреннее чувство языковой неуверенности в среде его носителей. В конечном итоге, это способствует развитию в среде канадских франкофонов внутреннего комплекса языковой неуверенности. Этот тип маргинализации языка можно определить, в соответствии с логикой Ж. Делёза, как «внутренняя маргинализация языка».

В 1841 г. аббат Т. Магир одним из первых публично замечает, что канадский вариант французского языка насыщен англицизмами. Позже не раз подчеркивалось, что канадский вариант французского языка должен быть очищен не только от англицизмов, но и от архаизмов.

Пуританская кампания за очищение и исправление канадского французского становится ещё одной формой защиты французского языка на североамериканском континенте, с особой силой развернувшейся в конце XIX – начале XX столетия. Построенный английскими колонизаторами столетием раньше чисто идеологический конструкт «*lousy French*» *начинает в этот период осознаваться некоторыми канадскими франкофонами с особой остротой и горечью как некая болезнь, затронувшая французский язык на территории Канады.*

В 70-е гг. XX столетия *чисто лингвистические* причины «болезни» франко-канадского варианта французского языка переосмысляются как политические.

В 1972 г. правительство Квебека обнародует отчёт Комиссии К. Жандрона (*Commission Gendron*). В этом документе, помимо знакомой констатации о всеобщем использовании английского языка во всех деловых сферах деятельности, содержится следующее замечание: французский язык хотя и является языком большинства населения Квебека, занимает маргинальное положение ввиду его малого употребления в деловой сфере [10].

Правительство Квебека прислушивается к ряду рекомендаций Комиссии Жандрона и в 1974 г. принимает Закон № 22, закон об официальном языке (*Loi sur la langue officielle*). В соответствии с этим законом единственным официальным языком Квебека признаётся французский язык (статья № 1). Вместе с тем, во всех остальных статьях закона, наряду с признанием французского языка как основного, используемого во всех сферах жизнедеятельности, признаются особые права английского языка. Половинчатость этого закона вызвала критику в его адрес как со стороны англофонов, так и со стороны франкофонов. Приход к власти в 1976 г. Квебекской партии Рене Левека (René Lévesque) способствовал кардинальному пересмотру социально-политической стратегии развития Квебека и имел большие последствия в области языковой политики. Одной из главных целей Квебекской партии стало обеспечение особого положения французскому языку на территории Квебека.

Эта идеология, сформированная всем предыдущим контекстом социально-экономической жизни франкофонов на территории Квебека, и легла в основу принятой в 1979 г. Хартии французского языка, называемой также Законом № 101. Данный закон и сегодня определяет направления работы в области укрепления позиций французского языка [1].

Приведённый выше анализ социолингвистической ситуации, в которой оказался квебекский вариант французского языка, позволяет заключить, что к 70-м гг. XX в. французский язык Квебека испытывает двойное, обесценивающее его действие (миноризацию, в терминологии Ж. Делёза). С одной стороны, он обесценен *социально* в конкуренции с английским языком, а, с другой,

он обесценен *лингвистически* в сопоставлении с языковой нормой французского языка Франции.

Плохой французский язык в понимании канадских франкофонов начинает ассоциироваться с понятием жуаля (*joual*). По мнению П. Шамберлена [4], жуаль не диалект, не говор и не некая арготическая или жаргонная система. Это своего рода языковой симптом общества, испытывающего сильнейшее ассимилирующее влияние английского языка. Шамберлен далек от провозглашения жуаля отличительным языком франко-канадцев, как это пытаются сделать многие. Говорить об этом искаленном «языке», по его мнению, необходимо, но лишь в дидактических целях, в наставление, как о «живом» свидетеле социального неравноправия, которое должно быть устранено политическими средствами. Таким образом, вовлечённый в 60–70-е гг. XX столетия не только в лингвистические, но и политические дебаты жуаля, обращённый ко всем франко-канадцам, становится неким *призывом к освобождению* от комплексов социальной и языковой неполноценности. В художественной литературе этого времени жуаль используется как своеобразное зеркало, средство передачи социального неблагополучия франкофонов. Такова эстетическая функция жуаля, например, в пьесах известного современного писателя М. Трамбле. Ж. Барбо использует жуаль для создания эффекта «очищающего смеха».

Известный канадский лингвист Шанталь Бушар, резюмируя историю развития французского языка на североамериканском континенте, отмечает, что это история порабощенного народа. Язык этого народа не может не стать, как показал опыт Канады, центральным элементом его коллективной идентичности [2]. В середине XX в. кризис языка способствовал и кризису франко-канадской идентичности.

Список литературы

1. Разумова Л. В. Вопросы статуса и качества языка в языковой политике Квебека // Проблемы канадологии в российских исследованиях. Ин-т США и Канады РАН. Ин-т языкознания РАН. Саратов, 2008. С. 132–144.
2. Bouchard Ch. La langue et le nombril. Histoire d'une obsession québécoise. Montréal : Fides, 1998. 303 p.
3. Bouthillier G., Meynaud J. Le Choc des langues au Québec / Québec: Presses de l'Université Laval, 1972. 288 p.
4. Chamberland P. Les lettres nouvelles // Holler R. Canada, P.: Editions du Seuil, 1967. P.58–73.
5. Chigarevskaja N. Précis d'histoire de la langue française. M.: Просвещение, 1984. 285 с.
6. Deleuze J. Philosophie et minorité // Critique, P.: Minuit, fev., 1978. № 369. P. 154–155.
7. Deleuze J., Guattari F. Kafka. Pour une littérature mineure. Paris: Editions de Minuit, coll. Critique. 160 p.
8. Dunn O. Glossaire franco-canadien et vocabulaire de locutions vicieuses usitées au Canada. Québec: Imprimerie A. Cotie et Cie, 1880. 224 p.
9. Gobard H. L'aliénation linguistique, analyse tétraglossique. Paris, Flammarion, 1976. 298 p.
10. Leclerc J. Langue et société. Québec: Mondia éditeur, 1992. 708 p.

Рукопись поступила в издательство 25 марта 2011 г.